сюжетомъ является положеніе матери, поставленной между двухъ дочерей, одной законной, которую она кинула, а другой незаконнорожденной. Обѣ дѣвушки оказываются соперницами, не подозрѣвая объ этомъ. Незаконнорожденная дочь кончаетъ самоубійствомъ, и въ этомъ заключается кара преступной матери. Пьеса имѣла успѣхъ, но не полный, благодаря насильственной развязкѣ.

P. S. Возобновленіе сессіи, какъ оказывается, заявило себя очень худо. Правая, я это предвидѣлъ, вернулась крайне раздраженная рѣзкостями Гамбетты и немедленно заявила объ имѣющемъ быть запросѣ. Но размышленіе взяло верхъ, и весьма возможно, что этотъ запросъ будетъ взятъ назадъ и не будетъ обсуждаться. Всего распространеннѣе теперь мысль о необходимости поддерживать правительство Тьера, не заботясь особенно о томъ, кто ему наслѣдуетъ.

Н.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Точка зрѣнія политико-экономической критики у Карла Маркса.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. *Карла Маркса*. Перев. съ нѣмецкаго. Т. I. Спб. 1872. XIII и 678 стр.

Въ 1859 году Марксъ издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: „Къ критикѣ политической экономіи“; книжка должна была служить началомъ большого сочиненія объ этомъ предметѣ. Болѣзнь помѣшала однако Марксу, и только послѣ восьмилѣтняго перерыва онъ могъ, осенью 1871 года, выпустить весь первый томъ задуманнаго въ обширныхъ размѣрахъ труда. Цѣль Маркса—критически разобрать экономическія основанія буржуазнаго или, какъ онъ выражается, капиталистическаго общества. Но онъ не удовлетворяется тѣмъ, что экономическая литература признаетъ за такія основанія. Онъ самъ подвергаетъ изслѣдованію капиталистическій порядокъ экономической жизни, изыскиваетъ его основы и по нахожденіи ихъ подвергаетъ своей критикѣ. Въ массѣ примѣчаній, доказывающихъ громадную эрудицію, Марксъ критически слѣдитъ за своими предшественниками въ дѣлѣ изслѣдованія законовъ современнаго экономическаго порядка, подвергая ихъ безжалостнѣйшему разбору и мимоходомъ надѣляя ихъ остроумными и злыми, хотя подчасъ грубыми и несправедливыми эпитетами. Книга Маркса имѣетъ такимъ образомъ троякую цѣну: она, во-первыхъ,

Digitized by Google

даетъ новые самостоятельные выводы, полученные авторомъ изъ изслѣдованій такихъ вопросовъ, за которые до него вовсе не брались; во-вторыхъ, она даетъ систематическую критику главныхъ основаній современнаго экономическаго строя; наконецъ, въ-третьихъ, она представляетъ громадный запасъ историко-литературныхъ и культурно-историческихъ свѣдѣній, весьма мѣтко характеризующихъ развитіе капитализма.

Въ книгѣ, имѣющей главнымъ своимъ содержаніемъ критику, вопросъ о точкѣ зрѣнія, съ которой эта критика производится, является первостепеннымъ. Въ большей части случаевъ исходныя воззрѣнія, служащія основаніемъ для критики, заключаютъ въ себѣ весьма значительную долю произвольности и предвзятости. Если критика имѣетъ своимъ предметомъ идеи и воззрѣнія, то гарантіею научности ея могутъ служить точные методы переизслѣдованія. Но какъ быть, когда критиковать приходится не идеи того или другого ученаго, а самые факты, о которыхъ составляются идеи? Гдѣ искать въ подобномъ случаѣ критерія того, что́ должно быть признаваемо за нормальное или патологическое? Иногда на этотъ вопросъ дается тотъ отвѣтъ, что критеріемъ могутъ служить потребности человѣка: за нормальное, по этому воззрѣнію, должно быть признаваемо то, что́ сообразно съ потребностями человѣка, за ненормальное—то, что́ имъ противорѣчитъ. Но, спрашивается въ такомъ случаѣ, какъ быть, если критика пожелаетъ коснуться и самыхъ потребностей?

Съ виду, если судить по внѣшней формѣ изложенія, Марксъ большой идеалистъ-философъ и притомъ въ „нѣмецкомъ", т.-е. дурномъ значеніи этого слова. На самомъ же дѣлѣ онъ безконечно болѣе реалистъ, чѣмъ всѣ его предшественники въ дѣлѣ экономической критики. Вотъ почему онъ вовсе и не задается вопросомъ о томъ, что́ ему будетъ служить критеріемъ въ предпринимаемомъ имъ дѣлѣ. По его воззрѣніямъ и этотъ вопросъ разрѣшается самъ собою при научности изслѣдованія. Для него важно только одно: найти *законъ* тѣхъ явленій, изслѣдованіемъ которыхъ онъ занимается. И притомъ для него важенъ не одинъ законъ, управляющій ими, пока онѣ имѣютъ извѣстную форму и пока онѣ находятся въ томъ взаимоотношеніи, которое наблюдается въ данное время. Для него сверхъ того еще важенъ законъ ихъ *измѣняемости*, ихъ развитія, т.-е. перехода отъ одной формы къ другой, отъ одного порядка взаимоотношеній къ другому. Разъ онъ открылъ этотъ законъ, онъ разсматриваетъ подробнѣе послѣдствія, въ которыхъ законъ проявляется въ общественной жизни. Послѣдствія эти оказываются обладающими тою особенностью, что для массы людей тѣ изъ нихъ, которыя вытекаютъ изъ предыдущихъ, являются болѣе желательными и выражающими прогрессъ. Критика въ такомъ случаѣ является уже не произвольнымъ разборомъ, а на-

Digitized by Google

учнымъ сравненіемъ предшествующихъ и послѣдующихъ степеней развитія и простымъ перечисленіемъ и констатированіемъ фактовъ, въ которыхъ эти степени развитія выражаются.

Сообразно съ этимъ Марксъ заботится только объ одномъ: чтобы точнымъ научнымъ изслѣдованіемъ доказать необходимость опредѣленныхъ порядковъ общественныхъ отношеній и чтобы возможно безупречнѣе констатировать факты, служащіе ему исходными пунктами и опорою. Для него совершенно достаточно, если онъ, доказавъ необходимость современнаго порядка, доказалъ и необходимость другого порядка, къ которому непремѣнно долженъ быть сдѣланъ переходъ отъ перваго, все равно, думаютъ ли объ этомъ, или не думаютъ, сознаютъ ли это, или не сознаютъ. Марксъ разсматриваетъ общественное движеніе, какъ естественно-историческій процессъ, которымъ управляютъ законы, не только не находящіеся въ зависимости отъ воли, сознанія и намѣренія человѣка, но и сами еще опредѣляющіе его волю, сознаніе и намѣренія.

Послушаемъ разсказъ самого Маркса о томъ, какъ у него слагались его воззрѣнія. Мы заимствуемъ разсказъ изъ предисловія къ помянутой брошюрѣ 1859 года. „Первая работа, которую я предпринялъ для разрѣшенія обуревавшихъ меня сомнѣній, былъ критическій разборъ гегелевской философіи права. Работа привела меня къ тому результату, что правовыя отношенія, также точно какъ и политическія формы, изъ однихъ только юридическихъ и политическихъ основаній не могутъ быть выводимы и объясняемы; еще менѣе возможно ихъ объяснять и выводить изъ такъ-называемаго общаго развитія человѣческаго духа. Корень ихъ заключается въ однихъ только матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, которыхъ совокупность Гегель, по примѣру англійскихъ и французскихъ писателей XVIII-го вѣка, называетъ „гражданскимъ обществомъ“. Анатомію же гражданскаго общества слѣдуетъ искать въ политической экономіи. Результаты, къ которымъ меня привело изученіе послѣдней, кратко могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ. При матеріальномъ производствѣ людямъ приходится стать въ извѣстныя отношенія другъ къ другу, въ *производственныя* отношенія. Послѣднія всегда соотвѣтствуютъ той степени развитія производительности, которою въ данное время ихъ экономическія силы обладаютъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, надъ которымъ возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Такимъ образомъ, производственный порядокъ обусловливаетъ соціальные, политическіе и чисто-духовные процессы жизни. Ихъ существованіе не только не зависитъ отъ сознанія человѣка, а напротивъ послѣднее само отъ нихъ зависитъ. Но на извѣст-

Digitized by Google

ной степени развитія своей производительности силы приходятъ въ столкновеніе съ производственными отношеніями людей другъ къ другу. Вслѣдствіе того онѣ начинаютъ противорѣчить и тому, что служитъ юридическимъ выраженіемъ производственныхъ отношеній, т.-е. имущественнымъ порядкамъ. Тогда производственныя отношенія перестаютъ соотвѣтствовать производительности и начинаютъ ее стѣснять. Отсюда — возникаетъ эпоха общественныхъ переворотовъ. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія, болѣе или менѣе медленно или скоро измѣняется вся громадная надстройка, надъ нимъ возвышающаяся. При разсмотрѣніи этихъ переворотовъ всегда необходимо строго различать матеріальную перемѣну въ условіяхъ производства которая должна быть естественно-научно констатирована, и перемѣну въ юридическихъ, политическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и философскихъ, словомъ—идеологическихъ формахъ, въ которыхъ мысль о столкновеніи проникаетъ въ человѣческое сознаніе и въ которыхъ скрытымъ образомъ изъ-за него происходитъ борьба. Объ отдѣльномъ человѣкѣ мы не судимъ по тому, что́ онъ самъ о себѣ думаетъ; но нельзя также судить и объ эпохѣ переворотовъ по ея собственному самосознанію. Напротивъ, это самосознаніе должно быть объяснено само изъ противурѣчій матеріальной жизни, изъ столкновенія между условіями производства и условіями производительности. Общественная формація никогда не погибаетъ прежде, чѣмъ успѣли развиться всѣ производительныя силы, которымъ она даетъ достаточно простора. Новыя производственныя отношенія никогда не возникаютъ вмѣсто старыхъ, пока матеріальныя условія ихъ существованія не выработаны вполнѣ старымъ обществомъ. Вотъ почему человѣчество ставитъ себѣ только удоборазрѣшимыя задачи. Внимательное разсмотрѣніе всегда показываетъ, что задача возникаетъ только тогда и тамъ, когда и гдѣ матеріальныя условія ея разрѣшенія или вполнѣ уже готовы, или жизнью заготовляются и мыслью могутъ быть восприняты при этомъ заготовленіи. Разсматриваемые въ общихъ чертахъ, азіатскіе, античные, феодальные и новѣйшіе, буржуазные производственные порядки могутъ быть разсматриваемы какъ прогрессивныя эпохи въ исторіи экономическихъ формацій общества. Буржуазныя производственныя отношенія представляютъ намъ послѣднюю антагонистичную форму общественнаго процесса производства, антагонистичную— не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, а въ смыслѣ такого, который обусловливается общественными условіями жизни всѣхъ. Но развивающіяся, въ средѣ самого буржуазнаго общества, производительныя силы создаютъ матеріальныя условія для устраненія этого антагонизма".

Для Маркса, слѣдовательно, основная причина, главнымъ образомъ обусловливающая явленія экономической жизни, представляется

Digitized by Google

производительностью силъ, дѣйствующихъ въ хозяйственномъ мірѣ. Развитіе этихъ силъ для него — естественно-историческое явленіе, за которымъ онъ слѣдитъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду уловить тѣ формы, которыя оно принимаетъ и оставляетъ въ разные періоды. Ростъ производительности для него фактъ почти механическій, или во всякомъ случаѣ въ той же мѣрѣ механическій, въ какой такимъ можетъ быть признанъ всякій физическій ростъ. Сознаніе только отражаетъ въ себѣ, какъ самый этотъ ростъ, такъ и его послѣдствія. Послѣдствія же производятся указанною причиною совершенно независимо отъ него. Перемѣна въ отношеніяхъ человѣка къ природѣ, составляющихъ главное содержаніе производительности, обусловливаетъ перемѣны въ экономическихъ отношеніяхъ людей другъ къ другу; эти перемѣны, въ свою очередь, влекутъ за собою перемѣну въ юридическихъ, политическихъ и бытовыхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Когда эти перемѣны въ самой жизни, на самомъ дѣлѣ уже произошли, или по мѣрѣ того какъ онѣ происходятъ въ самой жизни и на самомъ дѣлѣ, сознаніе человѣка мало по малу ихъ в себѣ усвоиваетъ, отражаетъ ихъ въ себѣ, сознательный человѣкъ начинаетъ съ ними освоиваться, и тогда онъ ищетъ имъ выраженіе въ словѣ, образѣ, обычаѣ и законѣ.

Если сознательный элементъ въ исторіи культуры играетъ такую подчиненную роль, то понятно, что критика, имѣющая своимъ предметомъ самую культуру, всего менѣе можетъ имѣть своимъ основаніемъ какую-нибудь форму или какой-либо результатъ сознанія. Т.-е., не идея, а внѣшнее явленіе одно только можетъ ей служить исходнымъ пунктомъ. Критика будетъ заключаться въ сравненіи, составленіи и сличеніи факта не съ идеею, а съ другимъ фактомъ. Для нея важно только, чтобъ оба факта были возможно точнѣе изслѣдованы и дѣйствительно представляли собою различныя степени развитія, да сверхъ того важно, чтобы не менѣе точно были изслѣдованы порядокъ, послѣдовательность и связь, въ которыхъ проявляются эти степени развитія.

Мы считали нелишнимъ охарактеризовать общія воззрѣнія Маркса, имѣя въ виду содѣйствовать устраненію тѣхъ недоумѣній, которыя могутъ возникнуть у читателя, впервые знакомящагося съ Марксомъ по книгѣ его, вышедшей теперь въ русскомъ переводѣ. Во-первыхъ, онъ въ этой книгѣ не высказываетъ самъ своихъ основныхъ взглядовъ. Во-вторыхъ, онъ много и сильно ругается, ругается чуть-чуть не на все. Такъ Контъ для него „погрязъ по колѣни въ католицизмѣ", а позитивная система Конта — только ученическое упражненіе, слабое подражаніе гегелевской энциклопедіи, которое имѣетъ интересъ для одной только исторіи развитія французскихъ философскихъ взглядовъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ выводить, что Марксъ про-

Digitized by Google

тивникъ того, чтó у насъ называется реальнымъ міросозерцаніемъ. Вышеизложенные его взгляды достаточно въ этомъ убѣждаютъ. Идеалистомъ его ни въ какомъ случаѣ уже нельзя считать. Наконецъ, русскій читатель можетъ быть на этотъ счетъ введенъ въ заблужденіе методомъ изложенія (а не изслѣдованія) Маркса. Это—изложеніе діалектическое, которое якобы строго вытекаетъ изъ одной идеи, но на самомъ дѣлѣ всегда должно возвращаться къ явленіямъ. Марксъ, когда онъ разсуждаетъ о приводимыхъ фактахъ, именно тогда весьма трудно читается. Русскому читателю, непривыкшему къ нѣмецкимъ кунстштюкамъ по части развитія идей, придется его сначала перевесть себѣ на болѣе понятный языкъ, чтобы вполнѣ его усвоить.

По самому характеру основныхъ своихъ воззрѣній, Марксу пришлось отвести фактамъ весьма значительное мѣсто въ своемъ сочиненіи. Въ этомъ отношеніи его книга стоитъ выше появившихся въ последнее 25-лѣтіе систематическихъ сочиненій, какъ въ соціалистической литературѣ, такъ и въ литературѣ экономистовъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ догматическомъ отношеніи книгу Маркса можно сравнить развѣ съ прудоновскою „Системою экономическихъ противурѣчій". По богатству историческаго матеріала и по громадности эрудиціи, Марксъ можетъ быть сравненъ съ Рошеромъ, надъ которымъ однако онъ возвышается силою и глубиною анализа и полною осмысленностью собраннаго фактическаго матеріала. Порядокъ, въ которомъ Марксъ собирался сначала изложить систему буржуазнаго строя экономической жизни, слѣдующій: капиталъ, поземельная собственность, наемный трудъ; государство, внѣшняя торговля, всемірный рынокъ. Подъ тремя первыми рубриками онъ хотѣлъ изслѣдовать экономическія условія жизни трехъ большихъ классовъ, на которые распадается буржуазное общество. Теперь онъ измѣнилъ нѣсколько эту систему. Все сочиненіе должно состоять изъ трехъ томовъ. Въ настоящее время его сочиненіе является подъ общимъ заглавіемъ „Капиталъ". Въ первомъ томѣ излагаются основанія капиталистическаго порядка производства (книга I); второй томъ будетъ заключать въ себѣ II-ую книгу о капиталистическомъ порядкѣ обращенія и III-ью книгу объ общихъ основаніяхъ всего капиталистическаго хозяйства. Третій томъ посвящается исторіи развитія идей о капиталѣ и основанныхъ на немъ порядкахъ. Такимъ образомъ, вся современная экономическая теорія какъ бы исчерпывается теоріею капитала. Эта мысль находится въ тѣсной связи съ изложеннымъ выше общимъ міросозерцаніемъ Маркса. Такъ какъ въ дѣйствительной жизни капиталъ въ настоящее время представляетъ преобладающее явленіе; такъ какъ онъ составляетъ теперь главный и почти единственный источникъ богатства и благосостоянія; такъ какъ отъ него исходятъ и къ нему возвращаются, какъ къ центральному пункту, всѣ отдѣльные экономическіе процессы, и

Digitized by Google

такъ какъ въ настоящее время всякое экономическое явленіе только въ той мѣрѣ имѣетъ практическое жизненное значеніе, въ какой имъ съ той или иной стороны, положительно или отрицательно, затрачивается капиталъ, — то понятно, что теорія, желающая исчерпать послѣдній, должна исчерпывать всю современную экономическую жизнь, ея причины и послѣдствія.

Иному читателю можетъ при этомъ придти на мысль и такой вопросъ: какая же это наука, въ строгомъ смыслѣ слова, когда она напередъ задается не изслѣдованіемъ общихъ законовъ, которымъ подчиняется данный разрядъ явленій, а только желаетъ объяснить извѣстную часть фактовъ этого разряда? Вѣдь это не наука, а практическое приложеніе ея, имѣющее цѣлью примѣненіе добытыхъ научныхъ результатовъ къ объясненію тѣхъ явленій, которыя непонятны массѣ публики? Вѣдь общіе законы экономической жизни одни и тѣ же, все равно, примѣняются ли они къ современной или прошлой жизни? Но именно этого Марксъ не признаетъ. Такихъ общихъ законовъ для него не существуетъ. Изъ его сочиненія надобно заключить, что непосредственное изслѣдованіе экономическихъ явленій, принадлежащихъ къ различнымъ стадіямъ исторіи развитія хозяйства, привело его къ отрицанію экономическихъ законовъ, общихъ для всѣхъ стадій развитія. По его мнѣнію, напротивъ, каждый крупный историческій періодъ имѣетъ свои законы, которымъ жизнь подчиняется только до тѣхъ поръ, пока она переживаетъ этотъ періодъ. Но какъ только она пережила данный періодъ развитія, вышла изъ данной стадіи и вступила въ другую, она начинаетъ управляться уже другими законами. Словомъ, экономическая жизнь представляетъ намъ въ этомъ случаѣ явленіе, совершенно аналогичное тому, что мы наблюдаемъ въ другихъ разрядахъ біологическихъ явленій, по поводу которыхъ приходится говорить объ исторіи развитія. Низшіе организмы, пока они низшіе, подчиняются своимъ законамъ строя, роста, питанія и т. д. Когда мы переходимъ къ организмамъ послѣдующихъ степеней развитія, мы встрѣчаемся съ усложненіемъ анатомическихъ и физіологическихъ явленій, доходящихъ до того, что количественное различіе превращается въ качественное и что новыми качествами вызываются и новые законы. То же самое показываетъ и наблюденіе экономической жизни. Внимательный анализъ внутренняго строя и свойствъ дѣятельнаго состоянія явленій этой жизни неоднократно убѣждалъ многихъ изслѣдователей, уже съ сороковыхъ годовъ, въ невѣрности того взгляда старыхъ экономистовъ на природу экономическаго закона, по которому послѣдній однороденъ съ законами физики и химіи. Анализъ, напротивъ, приводилъ ихъ къ тому заключенію, что если уже проводить аналогію, то соотвѣтственнѣе дѣлу будетъ находить социальные законы однородными съ законами біологіи. Въ соціальной жизни, какъ

въ физіологической, исторія развитія, т.-е. измѣняемость и усовершимость формъ составляютъ самую главную характеризующую явленія особенность. Непосредственный, болѣе глубокій анализъ явленій показалъ, что соціальные организмы отличаются другъ отъ друга не менѣе глубоко, чѣмъ организмы ботаническіе и зоологическіе. Соціальный организмъ, который представляетъ собою азіатская деспотія, тотъ, который можно было наблюдать у классическихъ народовъ, организмъ, который представлялся феодальнымъ обществомъ, и, наконецъ, тотъ, который представляется современнымъ капиталистическимъ обществомъ,—всѣ они до такой степени различны другъ отъ друга, что законами, построенными на основаніи наблюденій общихъ имъ всѣмъ особенностей, нельзя было бы объяснить самыхъ интересныхъ ихъ сторонъ. Одно и то же явленіе, вслѣдствіе различія въ строѣ этихъ организмовъ, разнородности ихъ органовъ, различій условій, среди которыхъ органамъ приходится функціонировать и т. д., можетъ по этому на разныхъ степеняхъ развитія, представляемыхъ различными соціальными организмами, подчиняться совершенно различнымъ законамъ. Марксъ отказывается, напримѣръ, признавать, что законъ увеличенія народонаселенія одинъ и тотъ же всегда и повсюду, для всѣхъ временъ и для всѣхъ мѣстъ. Онъ утверждаетъ напротивъ, что каждая степень развитія имѣетъ свой законъ размноженія. Онъ не отвергаетъ поэтому и мальтусовскаго закона, а строго опредѣляетъ только предѣлы, въ которыхъ онъ сохраняетъ свою силу, т.-е. условія, при которыхъ происходятъ управляемыя имъ явленія. То, что̀ въ экономической жизни происходитъ, зависитъ отъ степени производительности экономическихъ силъ, т.-е. отъ силы, которою они обладаютъ для произведенія тѣхъ или иныхъ послѣдствій. При различіяхъ въ производительности, и послѣдствія ея будутъ различны, а съ ними и законы, ими управляющіе.

Задаваясь, такимъ образомъ, цѣлью—изслѣдовать и объяснить капиталистическій порядокъ хозяйства, Марксъ только строго научно формулировалъ цѣль, которую можетъ имѣть точное изслѣдованіе экономической жизни. Изслѣдованіе, которое имѣетъ въ виду не интересы археологіи, а также и не интересы чисто созерцательнаго любомудрія, которое желаетъ служить дѣйствительной жизни, только ее и можетъ имѣть своимъ центральнымъ пунктомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, такое изслѣдованіе далеко не имѣетъ одного популяризаторскаго значенія. Его научная цѣна заключается въ выясненіи тѣхъ частныхъ законовъ, которымъ подчиняются возникновеніе, существованіе, развитіе, смерть даннаго соціальнаго организма и замѣненіе его другимъ, высшимъ. И эту цѣну дѣйствительно имѣетъ книга Маркса.

Само собою разумѣется, что, какъ чисто научное сочиненіе, книга эта предполагаетъ, что ея читатель умѣетъ не только воспринимать

Digitized by Google

ужія идеи, но и критически слѣдить за всѣмъ ходомъ изслѣдованія, изъ котораго онѣ получаются. Въ этомъ отношеніи, какъ мы уже замѣтили, сочиненіе Маркса представляетъ бо́льшія трудности, чѣмъ сочиненія другихъ соціалистовъ. Оно предполагаетъ хорошо подготовленнаго читателя, знакомаго не только съ исторіею культуры вообще и экономической въ частности, но сверхъ того и усвоившаго себѣ результаты экономической науки. Самъ Марксъ указываетъ на то, что онъ разсчитываетъ на читателя, который хочетъ учиться *новому*, слѣдовательно, на такого, который всему *старому* уже выучился, и для котораго теорія Маркса нова вовсе не потому, что для него и вообще все ново въ политико-экономической наукѣ.

Вышедшій теперь томъ начинается анализомъ мѣновыхъ процессовъ. Марксъ, анализомъ различныхъ формъ, принимаемыхъ обмѣномъ на разныхъ степеняхъ развитія, доказываетъ, что между этими формами существуетъ внутренняя преемственная связь и что одна форма порождается другою, заключающею въ себѣ въ зародышѣ тѣ элементы, отъ развитія которыхъ и возникаютъ высшія, болѣе усложненныя формы. Такимъ образомъ, уже простѣйшая форма обмѣна, въ періодъ такъ-называемаго натуральнаго хозяйства, содержитъ въ себѣ зародыши, развитіемъ которыхъ порождаются усложненныя явленія денежнаго обмѣна. Выяснивъ общій законъ обмѣна, Марксъ показываетъ, что товарное обращеніе, насколько оно проявляется въ обмѣнѣ продуктами, не способно давать капиталисту никакихъ излишковъ надъ сдѣланными имъ затратами. Для полученія такихъ излишковъ необходимо обращенію втянуть въ свою сферу рабочую силу человѣка, лишеннаго экономической независимости. Примѣненіе общаго закона обмѣна къ рабочей силѣ, какъ къ товару, даетъ возможность капиталисту получать изъ обращенія больше, чѣмъ онъ затратилъ, получать барышъ. Дѣло въ томъ, что по мѣновому закону каждый товаръ оплачивается по среднимъ и необходимымъ издержкамъ его производства, выраженнымъ въ количествѣ затраченнаго труда. Но рабочая сила производитъ болѣе, чѣмъ необходимо на ея производство (т.-е. питаніе). Слѣдовательно, оплачивая трудъ по той же нормѣ, по которой оплачивается всякій другой товаръ, капиталистъ имѣетъ возможность получать въ свою пользу разность между стоимостью содержанія труда и стоимостью продуктовъ труда. Эту разность Марксъ называетъ *излишкомъ цѣнности* (Mehrwerth). Эти-то излишки надъ собственными затратами и стремленіе къ нимъ и составляютъ главную характеризующую особенность капиталистическаго порядка экономической жизни. Получить барышъ насчетъ рабочей платы, возможно меньше заплатить за трудъ и возможно больше изъ него добыть, — таковъ его практическій лозунгъ. Сообразно съ тѣмъ основнымъ значеніемъ, которое, по ученію Маркса, капиталъ и его барыши на заработной платѣ имѣютъ въ на-

Digitized by Google

стоящее время, главная часть перваго тома (стр. 121—489) посвящена подробнымъ описаніямъ и анализамъ явленій, съ которыми сопряжена эксплуатація труда капиталомъ, и условій, при которыхъ она происходитъ, развивается или задерживается въ своемъ развитіи. Марксъ сначала описываетъ стремленіе капиталиста получать свой барышъ на капиталъ, заключающійся въ указанномъ выше излишкѣ цѣнности, чрезъ удлиненіе рабочаго дня. Здѣсь же излагается развитіе англійскаго законодательства о продолжительности фабричнаго рабочаго дня. Затѣмъ Марксъ переходитъ къ слѣдующимъ основнымъ способамъ полученія возможно большей разности между цѣною труда и цѣною его продуктовъ. Эти способы заключаются въ возвышеніи производительности труда и уменьшеніи издержекъ его содержанія сравнительно съ тѣмъ, что̀ онъ производитъ. Простая кооперація большой массы однородныхъ рабочихъ силъ, раздѣленіе труда или кооперація большихъ массъ разнородныхъ рабочихъ силъ, наконецъ, примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ машинъ,—таковы главные способы. Въ послѣдней главѣ Марксъ анализируетъ исторически условія образованія капитала и какъ бы наглядно демонстрируетъ процессъ его образованія на теоріи и практикѣ колонизаціи.

И. К-въ.

Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ *Гиппо* (Hippeau). Переводъ Елены Бларамбергъ. Спб. 1872.

Швейцарія и Швейцарцы. Сочиненіе *Вильяма Гепворта Диксона*. Съ присоединеніемъ его же статьи: Учебныя заведенія въ Цюрихѣ. Пер. съ англійскаго подъ редакціей *А. Михайлова* и *Н. И. Шульгина*. Спб. 1872.

„Существованіе министерства народнаго просвѣщенія, которое управляетъ, при помощи сильной центральной администраціи, школами, коллегіями и университетами, назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, редактируетъ всѣ программы, опредѣляетъ методы преподаванія, составляетъ списокъ классныхъ книгъ, устанавливаетъ и контролируетъ всѣ расходы,—громадная задача, добросовѣстное исполненіе которой превышаетъ человѣческія силы". Несмотря на мягкость выраженій, въ которую заключена эта безусловно справедливая мысль, мы думаемъ, что ее никогда не произнесъ бы нашъ чиновникъ, посланный для обозрѣнія учебныхъ заведеній заграницу; попавъ въ страну, гдѣ такого учрежденія нѣтъ, онъ постарался бы распространиться о тысячахъ неудобствъ, связанныхъ съ отсутствіемъ централизаціи въ учебномъ дѣлѣ и, какъ бы мимоходомъ, наговорилъ бы любезностей своему высшему начальству. Французскіе чиновники оказались въ этомъ отношеніи гораздо независимѣе, быть можетъ потому, что г. Дюрюи, посылавшій ихъ обозрѣвать учебныя заведенія заграницей, руководился дѣйствительнымъ желаніемъ подробно и безпристрастно изучить учеб-

Digitized by Google